

Источник: Лев Лунц; "Родина" и другие произведения.

Серия: "Память", Израиль, 1981.

OCR и правка: Александр Белоусенко (belousenko\$yahoo.com), 20 апреля 2004.

Библиотека Александра Белоусенко -- http://www.belousenko.com/wr_Lunts.htm

Составление, послесловие и примечания - М. Вайнштейна.

В. Каверину.

I

-- Ты сам не знаешь себя, Веня, -- сказал я: -- да взгляни на себя.

Зеркало. И в зеркале высокий человек с могучим лицом. Черные волосы гневно падают на упрямый лоб, а под спокойными, ясными бровями страстно светят дикие, глубокие, пустынные глаза.

-- Веня, ты не видишь себя. Вот таким пришел ты из Египта в Ханаан, помнишь? Это ты лакал воду из Херона, вот так, животом на земле, жадно и быстро. А помнишь, как ты нагнал того, ненавистного, когда он запутался волосами в листве и повис над землей? Ты убил его, и кричал, и он кричал, и кедр кричал...

-- Глупый ты, -- ответил Веня. -- Что ты пристал. Я не люблю евреев. Они грязные...

-- Веня, да. Но ведь в каждом еврее, вот в тебе, древний... ну как сказать? -- пророк. Ты читал Библию? Вот я знаю, что и во мне, у меня лоб высокий... но, смотри, я маленький и щуплый, у меня нос вниз смотрит к губе. Львом зовут меня, Иегудой, а где во мне львиное? Я хочу и не могу выжать из себя, вызвать то суровое и прекрасное... Пафос, Веня. А ты можешь, у тебя лицо пророка.

-- Отстань, Лева, сделай милость. Я не хочу быть евреем.

В Петербурге летним вечером я с приятелем за самогоном. В соседней комнате отец мой, старый польский еврей, лысый, с седой бородой, с пейсами, молится лицом к востоку, а душа его плачет о том, что единственный сын его, последний отпрыск старинного рода, в святой канун субботы пьет самогон. И видит старый еврей синее небо Палестины, где он никогда не был, но которую он видел, и видит, и будет видеть. А я, не верящий в бога, я тоже плачу, потому что я хочу и не могу увидеть далекий Иордан и синее небо, потому что я люблю город, в котором я родился, и язык, на котором я говорю, чужой язык.

-- Веня, -- говорю я: -- слышишь отца моего? Шесть дней в неделю он торгует, обманывает и ворчит. Но на седьмой день он видит Саула, который бросился на меч свой. Ты тоже можешь увидеть, ты должен, в тебе восторг и исступленье, и жестокость, Веня.

-- Я сух и черств, -- отвечает он: -- я не люблю евреев. Зачем я родился евреем? Но ты прав. Я чужой себе. Я не могу найти себя.

II

-- Так я тебе помогу, -- сказал я: -- идем, Веня.

За стеной отец перестал молиться. Сели за стол: отец, мать, сестра. Меня не звали, меня уже три года не звали; я жил, как филистимлянин, в их доме. Их дом стоял под вечно-синим небом, окруженный виноградниками, на горе Вифлеемовой. А мой дом выходил на Забалканский проспект, -- прямой, чужой, но прекрасный. И мое небо было грязное, пыльное и холодное.

Революция: пустые улицы. Белый вечер. Как полотно железной дороги, плывет улица, суживаясь